

Условия жизни российских беженцев из Владивостока в Корее (1922–1923 гг.)

Инеcса Константиновна Капран,

кандидат исторических наук, доцент

Морского государственного университета

им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток.

E-mail: kapran@mail.ru

В статье рассматриваются условия жизни частей Земской Рати и Сибирской флотилии после их исхода из Владивостока в 1922 г. На основе анализа документальной информации из отечественных и зарубежных архивов автором исследуется организационная деятельность командования по обеспечению условий жизни вверенных ему воинских частей и гражданских лиц. Благодаря применению общенаучных методов исследования, а также историко-типологического метода были получены новые сведения из документов Музея русской культуры г. Сан-Франциско. Реконструируются условия жизни людей, оказавшихся в положении беженцев на территории Китая и Кореи. Дается характеристика понятия *повседневная жизнь*, которое включает в себя необходимые условия для существования человека: питание, одежду, жильё и лечение. По мнению автора, в обеспечении условий жизни беженцев в Китае и Корее большое значение имело создание Управления по делам беженцев во главе с генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом. Особое внимание в работе уделяется анализу деятельности главноуполномоченного по делам беженцев в Гензане (Корея) генерал-майора Д.А. Лебедева и командующего Дальневосточной казачьей группой генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова. Автор приходит к выводу: именно эти люди использовали максимум возможностей для обеспечения условий жизни, организации внутреннего порядка, сохранения дисциплины среди личного состава и гражданских лиц.

Ключевые слова: беженцы, исход, российская эмиграция, повседневная жизнь, условия жизни.

Living conditions of russian refugees from Vladivostok in Korea (1922–1923).

Inessa Kapran, Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia. E-mail: kapran@mail.ru.

This paper examines the living conditions of the Zemskaia Rat' and the Siberian flotilla after their evacuation from Vladivostok in 1922. On the basis of the analysis of documentary information from domestic and foreign archives, the author investigates organizational activity of the command to provide the living conditions of the military units and civilians. New information from the documents of the Museum of Russian culture in San Francisco was found due to general

scientific research techniques as well as the historical and typological method. The living conditions of people who turned out to be in the situation of refugees on the territory of China and Korea are reconstructed. The notionan *everyday lifeis* defined and includes all necessary conditions for a human life: food, clothes, accommodation, and medical treatment. According to the author, the creation of the Office for refugees headed by Lieutenant General M.K. Diterikhs, securing the living conditions of the refugees in China and Korea was of great importance. A special focus is the study of the activity of chief representative of the refugees in Genzan (Korea), Major General D.A. Lebedev and Commander of the Far Eastern Cossack group, Lieutenant General F.L. Glebov. The author concludes that these people used maximum opportunities for providing living conditions, organization of inner order, maintenance of discipline among staff and civilians.

Keywords: refugees, outcome, Russian emigration, daily life, living conditions.

После окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке остатки Белой Армии оказались на территории Китая и Кореи на положении беженцев. Судьба этих людей интересовала и отечественных [2, с. 12; 5, с. 113; 6], и китайских историков [1, с. 53; 4], в работах которых представлены маршруты исхода из Владивостока и передвижения беженцев, их численность, пункты размещения и др. Реконструкция повседневной жизни беженцев, предпринятая в данной статье на основе документов российских и зарубежных архивных коллекций, не только позволяет дополнить уже известные исторические факты, но и проливает свет на деятельность командования воинских формирований по организации жизни людей, оказавшихся в экстремальных условиях беженского существования.

В октябре 1922 г. части Приморской Земской Рати, Дальневосточной казачьей группы, экипажей Сибирской флотилии вместе с семьями прибыли сухопутным и морским путём в Китай и Корею. Они оказались в специально отведённых лагерях в районе Хунчуня, Гирина, Чаньчуня, Мукдена (Китай), Гензана (Корея) в крайне бедственном положении. Даже писатель-большевик А.Д. Киржниц (1887—1940) в 1924 г. охарактеризовал условия жизни беженцев как ужасающие. В своей книге «У порога Китая» он привёл факты не только плохого снабжения продовольствием и водой, но и жестокого обращения с русскими со стороны китайских и японских военных и полицейских. Так, в Мукдене японские военные заставляли женщин вступать с ними в интимные отношения под угрозой лишения пайка. В Гензани японские жандармы унижали, избивали беженцев, ругали «русскими собаками» [3, с. 14]. Часто китайские военные чины вынуждали русских продавать им лошадей за бесценок. В сложившихся условиях командование русских воинских частей возложило на себя ответственность за дальнейшее устройство судьбы беженцев.

В фонде Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) «Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций» содержит материалы о размещении, финансировании и снабжении белоэмигрантов в Китае. Сведения из этих документов характеризуют социально-экономическое положение беженцев, находящихся на территориях Китая и Кореи [ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 227. Л. 1—52]. Коллекция включает в себя приказы воеводы Земской Рати генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, а также переписку М.К. Дитерихса и его представителя в Мукдене — генерал-майора П.П. Петрова — с властями Китая, с сотрудниками Общества Красного Креста, с российскими консулами в Китае и Корее, с международными организациями. Письма и телеграммы отражают события с ноября 1922 г. по январь 1923 г. и демонстрируют активные действия командования Земской Рати по решению проблем размещения, питания и лечения беженцев. Понимая ответственность за судьбы тех, кто оказался на территории другого государства без средств к существованию, М.К. Дитерихс создал Управление по делам беженцев для контроля над всем вывезенным имуществом и обеспечения людей жильём и питанием.

В документах содержатся сведения о передвижениях воинских частей, о численном, социальном и профессиональном составе беженцев в Хуньчуне, Гирине (ныне г. Цзилинь), Чаньчуне, Мукдене (ныне г. Шэньян) и Гензане (ныне г. Вонсан, КНДР) [ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 227. Л. 29].

Так, из письма П.П. Петрова от 16 декабря 1922 г. председателю Комитета по делам беженцев в Харбине (ХКРБ) Н.Л. Гондатти следует, что в Гензане было размещено 5500 чел.: 2500 бывших военных, 1000 гражданских, 2000 членов их семей. С 11 декабря 1922 г. японское правительство взяло на себя обеспечение продовольствием 3800 чел., установив для них продовольственный паёк. Ещё 2000 чел. (среди них 500 раненых и больных) оказались под покровительством Японского Красного Креста, Американского Красного Креста и Русского комитета в Гензане. Хуже обстояло дело в Мукдене, там было размещено 400 чел. (в т.ч. 97 кадетов Омского и Хабаровского кадетских корпусов), которых японские власти обеспечивали очень скудным питанием. В Чаньчуне и Гирине находилось соответственно 500 чел. и 300 чел., им китайская администрация выдавала для пайка только хлеб и пампушки. В письме П.П. Петров просил у Н.Л. Гондатти денежную помощь для улучшения питания беженцев [ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 227. Л. 29—30]. Вырезка из газеты «Русский голос» (выходила в Харбине в 1920—1926 гг.), обнаруженная в массиве архивных документов, сообщала: 9 декабря 1922 г. в г. Пекине состоялось совещание дипломатического корпуса, где рассматривался вопрос о положении русских беженцев. Участники встречи решили обратиться за помощью к Лиге наций и призвать мировые благотворительные организации принять участие в судьбе русских беженцев в Китае и Корее. Особо на совещании отмечалось: беженцы должны находиться в концентрационных

лагерях и им, по возможности, следует предоставлять работу по специальности [ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 227. Л. 31].

Основной задачей, стоявшей перед командованием частей, являлся поиск возможностей для обеспечения людей питанием, одеждой, лечением и жильём. В письме полковника А.Е. Уссаковского представителю П.П. Петрова, полковнику Генерального штаба Л.Л. Ловцевичу (не датировано, вероятно, написано в середине декабря 1922 г. — *И.К.*), сообщается о положении беженцев в Гензане. По сведениям А.Е. Уссаковского, 2500 бывших военнослужащих и 1000 гражданских лиц были размещены в казармах, расположенных в 18 верстах от Гензана в бухте Лазарева. Обеспечение беженцев с 11 декабря 1922 г. приняли на себя японские власти. Остальные, более 1700 чел., находились в Гензане на побережье в большом бараке и в 3 полуземлянках. Лечением и уходом за больными и ранеными занимались Японский Красный Крест — 230 чел., Российский Красный Крест — 700 чел., Сеульский Красный Крест — 800 чел. Усугубляла состояние беженцев свирепствовавшая эпидемия кори, от которой погибло 80 детей. Были зафиксированы случаи брюшного тифа. Для инфекционных больных дополнительно построили баню и отдельное помещение. Японские власти обеспечивали беженцев питанием: 1 паёк включал 1,5 фунта муки, 0,5 фунта мяса или 1 фунт рыбы, а также жиры и крупы. Выдача чая и сахара не предусматривалась [ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 227. Л. 17].

Письмо председателя Совещания уполномоченных Российского Красного Креста в Харбине С.С. Аксакова генерал-майору П.П. Петрову от 5 января 1923 г. содержит информацию о направлении средств от российского посла в Токио Д.И. Абрикосова — 20 тыс. иен — и от адмирала Г.К. Старка — 5 тыс. 200 иен — на обустройство беженцев [ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 227. Л. 47].

Дополняют уже известную нам информацию о положении беженцев документы, хранящиеся в Музее русской культуры (Сан-Франциско) в фонде А.С. Лукашкина. Фотокопии некоторых материалов были предоставлены автору статьи известным дальневосточным исследователем, ныне председателем Общества изучения Амурского края — Приморского краевого отделения Русского географического общества — А.М. Буяковым после его возвращения из поездки в Сан-Франциско в октябре 2012 г., где он получил шанс ознакомиться с фондами Музея русской культуры. Коллекция фотокопий документов состоит из приказов и постановлений командующего Дальневосточной казачьей группой генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова, (ноябрь 1922 г. — февраль 1923 г.) и главноуполномоченного по делам беженцев в Гензане генерал-майора Д.А. Лебедева (ноябрь 1922 г. — июль 1923 г.) [7].

В приказах содержится информация о психологическом состоянии и бедственных условиях жизни русских беженцев в Гензане в 1922—1923 гг. [7]. Управление всеми делами по устройству людей принял генерал-майор

Д.А. Лебедев. Благодаря его усилиям в группах беженцев поддерживалась дисциплина, осуществлялась их самоорганизация для мирной жизни, люди обеспечивались питанием, финансовыми средствами. В письме российскому послу в Токио от 30 ноября 1922 г. Д.А. Лебедев сообщал: на собрании представителей беженцев общей численностью 5000 чел. он был избран главноуполномоченным по делам беженцев в Гензане. Также генерал-майор отмечал, что ежедневно люди умирают от холода, антисанитарии, недоедания, и просил предоставить денежные средства и ходатайствовать о помощи со стороны японского правительства [7].

В приказе Д.А. Лебедева от 4 ноября 1922 г. командирам Дальневосточной казачьей группы, содержащейся на кораблях Сибирской флотилии, вменялось в обязанность организовывать «мытьё людей и стирку белья для предотвращения эпидемии» [7], а также практиковать выполнение гимнастических упражнений, игры с детьми, пение, чтобы хоть как-то развлечь людей [7]. О крайне нестабильной психологической обстановке среди беженцев свидетельствует приказ сухопутным войскам от 26 ноября 1922 г. № 43, изданный генерал-лейтенантом Ф.Л. Глебовым. В документе сообщается: «пьянства и безобразия не прекращаются. Поступают постоянные заявления японских властей о бесчинствах беженцев» [7].

Для наказания виновных и предупреждения беспорядков, основываясь на нормах воинского устава и российского законодательства, командование разработало свою систему суда и наказаний. В том же приказе Ф.Л. Глебова содержится информация об учреждении временного военного суда в составе 5 чел. под председательством генерал-лейтенанта С.К. Булатовича. Исполняющим обязанности военного прокурора назначили надворного советника Кучерова. Была принята система наказаний: телесные наказания — от 5 до 100 ударов; смертная казнь через расстрел; арест от 1 до 6 мес. с выполнением работ; принудительные работы от 1 до 6 мес.; перевод в разряд оштрафованных с лишением прав. После отбывания наказания в течение 3 месяцев возможен был перевод на испытательный срок до 1 года с возвращением прав [7].

К этому приказу прилагалась инструкция для коменданта сухопутных войск, в которой на него возлагалась ответственность за поведение всех военных чинов на берегу и за проверку пропусков в город совместно с японским комендантом. Неопрятно или не по форме одетых военных следовало возвращать в расположение беженских частей. Всех нетрезвых и совершивших дисциплинарные проступки необходимо было арестовывать и отправлять на транспорт «Охотск». Офицерам предписывалось следить за правильным исполнением караульной службы и предупреждать беспорядки среди беженцев [7].

На транспорте «Охотск» создали плавучую тюрьму, в которой нарушители дисциплины содержались на голодном пайке. По приказу генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова от 18 ноября 1922 г., заключённому в сутки выделялось 4 стакана воды и 1 фунт хлеба [7].

В постановлении главноуполномоченного по делам беженцев генерал-майора Д.А. Лебедева от 2 декабря 1922 г. сообщается об организации структуры управления по делам беженцев в Гензанае. Так, ответственность за внутренний и внешний порядок возложили на генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова, который должен был организовать систему дисциплинарного воздействия. Распоряжение продовольствием поручили штабс-капитану С.А. Семенюку. Ему вменялось в обязанность организовать закупочную комиссию из представителей беженцев и общий хозяйственный склад. Контроль состояния здоровья людей и эпидемиологической ситуации возложили на санитарно-медицинскую часть под руководством врача Пятникова. Свою работу он должен был координировать с администрацией Гензана и председателем Японского Красного Креста доктором Осахи. Генерал-лейтенанту С.К. Булатовичу приказали в суточный срок представить проект суда и краткого административного и уголовного кодекса с учётом пребывания беженцев на иностранной территории. Руководителем Управления делами по устройству беженцев был назначен генерал-лейтенант П.П. Иванов-Ринов. Ему следовало организовать отделы управления: административный, хозяйственный, санитарный, судебный, культурно-просветительный, общий [7]. Своим постановлением главноуполномоченный по делам беженцев Д.А. Лебедев от 9 декабря 1922 г. приказал произвести всеобщий учёт, включая женщин, детей, судовые команды, медицинский персонал, с указанием фамилии, имени, возраста. Как меру воздействия для укрепления дисциплины он запретил выдавать пропуска в город. Людям, которые уже оказались там, следовало вернуться в места расположения до 16 ч. В бараках беженцев в 20 ч. необходимо было проводить переключку, после чего передвижение по территории запрещалось [7]. В обязательном постановлении Д.А. Лебедева от 2 декабря 1922 г. сообщалось о создании коллегиального органа управления под его председательством — Совещания по делам беженцев, — в состав которого входили священник о. Иоанн Черёмухов, председатель войсковой управы Сибирского казачьего войска г-н Ходаков, председатель 3-го войскового круга Забайкальского казачьего войска г-н Перевалов, врач г-н Пятников. Д.А. Лебедев обращался ко всем беженцам с требованием проявлять благоразумие и понимание ситуации. Он призывал поддерживать морально друг друга и особенно слабых духом людей, помогать довести устройство судьбы каждого до благополучного конца [7].

В среде руководителей беженцев имелись разногласия, и иногда их мнения и действия противоречили друг другу. Свидетельством этого стал доклад генерал-лейтенанта П.П. Иванова-Ринова главноуполномоченному по делам беженцев Д.А. Лебедеву от 4 февраля 1923 г. В документе сообщалось: все люди обеспечены пищей и кровом, а их внутренняя жизнь контролируется органами управления. Воинские части сохранили своё организационное устройство и подчинены командованию. Казарменное положение и строгая регистрация увольнений в город способствуют

сохранению порядка. Однако в среде беженцев наблюдаются низкое моральное состояние и анархичность. Иванов-Ринов отмечал сепаратизм, грубость и жестокость руководителя беженцев сухопутных войск генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова и ответственного за размещение семейных беженцев войскового старшины Казакова. Семейных беженцев насчитывалось 2/3 от всего личного состава. Без согласия родителей для детей Лазаревской группы был создан отдельный «пансион». Тех, кто не хотел отдавать туда ребёнка, Ф.Л. Глебов и Казаков лишили пайка на 5 дней. Автор доклада также отмечал недостатки в учёте продовольствия и медленное решение японской администрацией бытовых проблем беженцев. Для поднятия морального духа П.П. Иванов-Ринов призывал организовать культурную работу. Кроме того, он указывал на необходимость создания единого руководящего центра для подготовки белоповстанческого движения с целью свержения власти большевиков в России [7].

Несмотря на разногласия, Управление по делам беженцев в Гензане прилагало максимальные усилия для снабжения людей пищей и одеждой. Так, приказ по сухопутным войскам № 10 от декабря 1922 г. (дата не читается — *И.К.*) содержит сведения о получении от Японского комитета помощи русским беженцам 1650 одеял, 334 пар ботинок, которые раздали нуждающимся [7]. В приказе главноуполномоченного от 10 ноября 1923 г. указывается на устройство хлебопекарен на берегу и организацию комиссии из 4 чел. по контролю количества и качества выпеченного хлеба, а также на создание комиссии из 5 чел. для распределения варёных бобов между группами беженцев [7].

Актуальным вопросом был «детский». В приказе управляющего беженцами Дальневосточной казачьей группы полковника Мыльниковца от 20 февраля 1923 г. приводятся сведения об организации в Гензане начальной школы, состоящей из трёх отделений. Всего было 88 учеников, из них 36 мальчиков, 52 девочки. Для пошива формы Отдел снабжения и продовольствия выдал 600 аршин драпа защитного цвета [7].

Для трудоустройства беженцев и адаптации их к новым условиям жизни в Гензане создали Урало-Егерское трудовое общество под руководством генерал-майора Д.А. Лебедева. В постановлении от 12 июля 1923 г. указывалось, что в кооперативе уже 500 чел. и 8 детей. Был определён размер пая — 5 долл. со взрослого и 2,5 долл. с ребёнка. Общий уставной капитал составлял 2820 долл. [7]. В приказе Д.А. Лебедева от 30 июля 1923 г. приведена информация об избрании Правления кооператива под председательством генерала П.П. Оглоблина и о выделении на устройство быта каждому члену общества по 50 коп., а кандидатам — по 30 коп. [7]. В постановлении от 3 августа 1923 г. указано, что в общество вступили ещё 22 новых члена. Паевой взнос равнялся уже 110 долл. [7].

Прожив в течение 9 месяцев в малоприспособленных для жизни сырых и грязных бараках в Гензане, предоставленных японским Красным Крестом, беженцы стали постепенно уезжать из Кореи в Китай. Часть

флотилии из 12 судов (около 3000 чел.) под командованием контр-адмирала Г.К. Старка взяла курс на Шанхай [6].

Во время шторма затонули два корабля с экипажами и кадетами на борту. Но в Шанхае беженцев ожидало новое испытание: городской муниципалитет приказал им немедленно покинуть порт. Высадив на берег лишь кадетов, персонал кадетских корпусов, гражданских лиц, флотилия Г.К. Старка вновь вышла в море и взяла курс на Филиппины. Там с помощью правительства США были созданы лагеря беженцев. В мае 1923 г. часть из них на американском транспортном судне «Меррит» отправилась в Сан-Франциско [6]. В 1923 г. из Гензана в Шанхай прибыли ещё три корабля с остатками Дальневосточной казачьей группы (около 1000 чел.) под командованием генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова. Но муниципалитет города решительно приказал им покинуть порт. Несмотря на угрозы властей, суда с беженцами остались стоять на якорях на рейде [6]. В течение более чем трёх лет казаки жили в трюмах в ужасных антисанитарных условиях, пока в 1927 г. не добились разрешения от местной администрации поселиться в Шанхае. Они значительно пополнили численность российской диаспоры в этом городе [6].

Таким образом, архивные документы, в т.ч. из Музея русской культуры, свидетельствуют: части Земской Рати и экипажи Сибирской флотилии, оказавшиеся в положении беженцев на территории Китая и Кореи, испытывали притеснения со стороны администрации принимающих стран. Командование военными формированиями, состоявшими из военных и гражданских лиц, включая раненых и больных, женщин и детей, приняло на себя ответственность за судьбу беженцев. Организация устройства жизни людей в пунктах их размещения в Китае и Корее была возложена на Управление по делам беженцев во главе с генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом. В Гензанае главноуполномоченный по делам беженцев генерал-майор Д.А. Лебедев и командующий Дальневосточной казачьей группой генерал-лейтенант Ф.Л. Глебов руководили устройством жизни русских воинских формирований. Документы свидетельствуют о максимальном исполнении командованием беженских частей из Приморья обязательств по организации обеспечения вверенных им людей питанием, одеждой, жильём, лечением как необходимых условий жизни человека. Несмотря на все бытовые проблемы, для детей организовали школу. Благодаря действиям командования в расположении русских воинских формирований в Гензанае было сформировано управление внутренней жизнью. Трудность заключалась в сохранении порядка и дисциплины среди людей, подверженных сильному психологическому стрессу. Это потребовало введения жёсткой системы наказаний, вплоть до создания тюрьмы на транспорте «Охотск». Организация Урало-Егерского трудового общества способствовала решению вопросов, связанных с экономным распределением денежных средств для улучшения быта людей, адаптации беженцев к новым условиям жизни и дальнейшему устройству их судьбы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток: ДВО РАН, 2003. 220 с.
2. Иванов В.П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920—1940-е гг. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 160 с.
3. Киржниц А.Д. У порога Китая. М.: Красная новь, 1924. 70 с.
4. Ли Сингэн. Пик прибытия в Китай беженцев из России в начале 20-х гг. прошлого века // CHINA-VOYAGE.COM: китайский информационный интернет-центр. URL: <http://ricolor.org/rz/kitai/rossia/14> (дата обращения: 04.05.2016).
5. Мелехов Г.В. Русская эмиграция в Китае (1917—1924 гг.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. 245 с.
6. Ревякина Т.В. Проблемы адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции в Китае (начало 1920-х — середина 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 // DSLIB.NET: информационный портал. URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/problemy-adaptacii-i-sohraneniya-nacionalnoj-identichnosti-rossijskoj-jemigracii-v.html> (дата обращения: 04.05.2016).
7. Фотокопии документов из Музея русской культуры г. Сан-Франциско (США). Фонд А.С. Лукашкина // Личный арх. А.М. Буюкова.
8. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

REFERENCES

1. Vasilenko N.A. *Istorija rossijskoj jemigracii v osveshhenii sovremennoj kitajskoj istoriografii* [History of the Russian emigration in the coverage of modern Chinese historiography]. Vladivostok, FEB RAS Publ., 2003, 220 p. (In Russ.)
2. Ivanov V.P. *Rossijskoe zarubezh'e na Dal'nem Vostoke v 1920—1940-e gg.* [Russian diaspora in the Russian Far East in the 1920s — 1940s]. Moscow, MGOU Publ., 2003, 160 p. (In Russ.)
3. Kirzhnic A.D. *U poroga Kitaja* [Next to China]. Moscow, Krasnaya nov' Publ., 1924, 70 p. (In Russ.)
4. Li Singjen. *Pik pribytija v Kitaj bezhencev iz Rossii v nachale 20-h gg. proshlogo veka* [The peak of the arrival of refugees in China from Russia in the early 1920s]. Available at: <http://ricolor.org/rz/kitai/rossia/14> (accessed 04.05.2016). (In Russ.)
5. Melehov G.V. *Russkaja jemigracija v Kitae (1917—1924 gg.)* [Russian emigration in China (1917—1924)]. Moscow, Institut rossijskoj istorii RAN Publ., 1997, 245 p. (In Russ.)
6. Revjakina T.V. *Problemy adaptacii i sohraneniya nacional'noj identichnosti rossijskoj jemigracii v Kitae (nachalo 1920-h — seredina 1940-h gg.)* [The problems of adaptation and preservation of the national identity of Russian emigration in China (the early 1920s — the mid-1940s)]. Moscow, 2004. Available at: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/problemy-adaptacii-i-sohraneniya-nacionalnoj-identichnosti-rossijskoj-jemigracii-v.htm> (accessed 04.05.2016). (In Russ.)